

ВРЕМЯ ДУГИНА

Продолжаем публикацию откликов членов Изборского клуба на трагическую гибель Дарьи ДУГИНОЙ

Максим ШЕВЧЕНКО. Время Дугина — это время священной войны.

Вся политическая метафизика Дугина сконцентрирована на войне за смыслы — большие, нежелли человеческая жизнь. За смыслы, приобретающие измерение непостижимого разумом, но открывающегося в вере, за смыслы "священного".

Всё своё время осознанной жизни Дугин говорил о непримиримом конфликте между духом и материей, противостоянии человеческого и сверхчеловеческого, конфронтации моря и суши, "консервативной революции" (имеется в виду не строительство храмов и поточное производство благостно-мироточивых попов), непримиримой вражде с либерализмом, столкновении Евразии и Запада, о "брани духовной" и так далее.

Священная война множится и отражается в зеркалах дугинской реальности, являясь в этих отражениях единственным способом "пробуждения" человека от энтропийного засыпания и исчезновения. Как оно там в действительности, не знает никто. Это вопрос веры. И это укрепляет позицию Дугина.

Отсутствие войны или имитация войны приводит (по Дугину) к энергетическому обнулению истории и человека как смысла истории. Воплощением этого обнуления для Дугина является современный либеральный Запад и либеральный человек, разменявший "подлинное сакральное бытие на профаническое социальное существование". Вне священной войны для Дугина нет смысла истории и достойного содержания жизни. Считать Дугина мирным философом или гуманитарным "проповедником традиционных ценностей" может только тот, кто никогда не читал или не слышал Дугина.

Фундаментальная утопия политической философии Дугина (Четвёртая политическая теория) — новый мир, основанный на осознании людьми своего тут-бытия (нем. *dasein*) и оформленный как союз осознавших, нанизанный на каркас Великой Традиции.

Великая же Традиция раскрывает свет людям через религии и цивилизации, неся свет и смысл того, перед чем человеческая жизнь — просто искра из костра, тлеющего в абсолютной и бесконечной ледяной тьме.

Не осознавшим *dasein* и не отчитавшимся об осознании придётся туго. "Союз осознавших" неизбежно поставит их в положение неполноценных людей второго сорта, заставит либо осознать, либо подчиниться.

Проблема в том, что *dasein* просто не может осознаться коллективно. Его нельзя осознать в ходе съезда, митинга, семинара, написания многотомного собрания воспоминаний и размышлений или в процессе коллективной медитации.

Dasein переживает индивидуально и по большому счёту вне осозающего своё "я" (через боль, отчаяние, надежду, заботу, любовь, религию, работу и так далее) индивидуума, его наличие носит чисто гипотетический характер. То есть, скорее всего (мы оставляем возможность Бога, это вопрос веры), *dasein* не существует вне человека и вне соотносимого с ним времени.

Но, конечно, пережившим тут-бытие и осознавшим *dasein* можно договориться о понятиях и правилах. Оформить эти договорённости в виде политического движения или государственной структуры. Они просто вынуждены будут это сделать.

Им придётся понаписать кучу текстов, которые трудно понять логически, но смыслы которых можно принять и смириться.

Кодифицировать свои индивидуальные переживания бытия (смерти, времени, жизни) в некоем универсальном дискурсе и, руководствуясь волей, принудить других к принятию этой кодификации.

Именно поэтому священная война в наступлении "времени Дугина" неизбежна. Никакие реалии мира вокруг не соотносимы с переживанием *dasein*. Они выглядят как клетка, в которую заключён дух.

Проблема — в инструментах священной войны "времени Дугина". Единственным доступным инструментом этой войны пока являются существующее и конкретное российское государство и российская власть. Российская власть и государство тянутся к Дугину и боятся его. Он им нужен для оправдания собственной методологической пустоты. Они знают как, но лишены понимания — зачем.

Это государство всё про себя знает, и ему позарез нужен Дугин, чтобы заполнить пустоту внутри себя. Это государство хочет избежать распада, исчезновения и продлить своё время в этой реальности. Его спасение — в священной войне.

Но само это государство не скрывает в себе ничего священного. Всё священное в нём — политехнология. Единственная надежда этого государства в том, чтобы овладеть временем Дугина, придать высший священный смысл своей войне, начатой просто как толковище за место на мировом рынке. Это ранее было невозможно, поскольку это государство всегда боялось Дугина, справедливо подозревая в нём апологета войны и системного радикала. Государство же всегда хотело мира и сладкой жизни для тех, кто наверху, — членства в НАТО, в ВТО, рыночных реформ, уничтожения даже признака социального равенства.

Оправданий этому оставалось всё меньше.

И тут случилось горе — погибла дочь Дугина. В аллегорическом смысле смерть Дарьи Дугиной — как жертвоприношение Ифигении перед отплытием Агамемнона в Троию. Ветра для армады кораблей не было — оракул сказал принести в жертву единственную дочь. Агамемнон настолько хотел войны, что решился на это, но в момент удара жертвенного ножа на алтарь опустилось облако и Артемиды унесла Ифигению в Тавриду (Крым).

Жертва тем не менее состоялась, война, изменившая судьбу человечества, началась и завершилась победой эллинов. Начался новый эон человеческой истории.

Естественно, государство попытается держать Дугина, его время и его священную войну в узде, приручить их, адаптировать под нужды пропаганды. Но даже справившись с Дугиным и адаптировав его смыслы для нужд пропаганды (что далеко не факт), это государство вряд ли сумеет справиться с временем Дугина.

Потому что это время священной войны, и им нельзя управлять.

Его можно только принять или исчезнуть.

Вардан БАГДАСАРЯН. Теракт на Можайском шоссе может занять особое место в истории мирового терроризма. Вероятно, впервые целью террористов был философ и убивали человека за философию. Следовательно, в этой философии видели угрозу. Значит, враги боятся не только военной силы, но и идейной альтернативы. Попытаемся реконструировать мотивы, подвигшие террористов на избрание такой цели.

К глубинным архетипам властного строительства относится тандем — царь и пророк. Царь в своей политической деятельности реализует ценностно-смысловые установки, генерируемые пророком и передаваемые в качестве концептуального оружия. Субъектом политики выступает царь, тогда как пророк оказывается властителем идей. Александр Гельевич Дугин, вероятно, выразил бы эти отношения в категории кшатрианской (воинской) и брахманической (жреческой) власти. Вопрос о пророке при царе можно без преувеличения назвать ключевым вопросом определения государственного

курса в истории и современных реалиях России. Не институты гражданского общества, как это утверждает западная политическая теория, а фигура пророка определяет через идейное влияние на царя государственную повестку. Так выстраивается властный механизм принятия стратегических решений в реальности. Пророки бывают "светлые" и "тёмные", равно как и цари народные и боярские, западники и почвенники.

Кто выполняет функции пророка при Путине и существуют ли такие пророки вообще, доподлинно неизвестно. Но на Западе сложилось убеждение, что в таком качестве выступает Дугин. За внешнеполитическим курсом Путина там к своему ужасу обнаружили философию главного теоретика российского неоевразийства. Путин в глазах западного сообщества сегодня стал главной персонификацией несправедливого монарха — врага свободы. И основной развязкой формируемого мифа должно стать для Запада низвержение российского президента. Однако Путин для его врагов пока недосыгаем. И тогда целью оказывается пророк. Убивая пророка, убивают царя в его идеологической ипостаси. 20 августа убили дочь пророка... Можно при этом сказать, что цепили в Дугина, но также можно, что цепили в Путина.

Конечно, "кремлёвским идеологом" Дугин, как его маркируют на Западе, не является. Различия провозглашаемых философией идей и реалити российской политики разительны. Дугин выступает принципиальным непримиримым врагом капитализма, рыночного фундаментализма, связанной с ними буржуазной морали. Он является противником системы, построенной на приоритете частной собственности, противопоставляя ей евразийскую модель рассмотрения экономики как приоритета общественного целого. Дугин — жёсткий оппонент экономоцентричности и видит в экономике лишь производную от принимаемой системы мировоззрения. Но разве таков курс Кремля? Модель Российской Федерации как была заложена с начала 1990-х годов, так и остаётся капиталистической, а система мышления так называемых элит — экономоцентричной и менеджерской.

Дугин — принципиальный противник трансгуманизма и цифровизации. Им резко критиковалась операция всеобщей вакцинации, попытки через введение QR-кодов построить "цифровые концлагеря". И разве в этой критике взгляды Александра Гельевича совпадают с позицией Кремля? Разве цифровизаторство не остаётся квазирелигией современных околowlастных элит, всякого рода колдовцев?

Образование, культура, наука, по мнению Дугина, деградируют, приняв основание секуляризма, отступив от религиозной традиции и сакральности. Но разве по-дугински осуществляет сегодня Кремль реформы образования? Разве дугинские подходы положены в основу школьных учебников и программ по истории и обществознанию? Ничего этого нет. Учебники истории основываются, в частности, на теории модернизации, резко критикуемой Дугиным как деструктивный концепт.

Да и внешнеполитический курс России выстраивается более мягко и менее имперски, чем это предлагает Дугин. Определённые шаги государства философ приветствует, тогда как другие осуждает и высмеивает, говоря о внутренней раздвоенности верховного суверена — "солнечном Путине" и "лунном Путине".

Нет, время Дугина ещё не наступило. Но оно имеет перспективу наступить.

Кремль нуждается в идеологической опоре. Без этой опоры режим не выстоит, рухнет вместе с ним и государство. Но вопрос о новом идеологическом строительстве оказывается нетривиальным.

Коммунистическая идеология оказывается для власти неприемлема ввиду антисоветских оснований создания государственности в начале 1990-х годов. Возвращение к идеологии коммунизма неизбежно бы привело к постановке вопроса о том, зачем и кому потребовалась декоммунизация. И этот вопрос может быть персонально для многих крайне неудобен. Неприемлемым оказывается и либерализм. "Быть либералом" сегодня в общественном сознании фактически синонимично "быть врагом России". Либерализм прочно связан с западничеством, и либеральная платформа связывается с политической государств, определённых в Российской Федерации в качестве недружественных.

Естественно, неприемлем и фашизм ввиду как многоэтничности России, так и семантики прошлого. Победа в Великой Отечественной войне остаётся главной святыней для российского социума, и фашистская идеологическая идентификация будет равносильна политической смерти.

Все три классические политические теории оказываются, таким образом, неприемлемы. Возникает запрос на конструирование чего-то нового. И тут пробивает час Дугина. Заявляемая им четвёртая политическая теория оказывается в повестке поисков выхода властной элиты из тупика. В этом смысле Дугин, конечно, не есть пророк актуальной кремлёвской группировки, но пророк грядущей. Претив пророка грядущего и, соответственно, грядущей идеологической альтернативы и был организован террористический разговор.

Максим КАЛАШНИКОВ. Трагическая гибель Дарьи Дугиной означает, что война коснулась теперь и русских мыслителей. И вновь стал вопрос о нашей миссии. А она — в поиске главной цели для страны. В поиске Иного, альтернативы для той изувёрской футурологии, что уготована нам хозяевами Запада. Равно как и выхода из смертельно опасного застоя в теперешней РФ.

Пускай мои политические дороги и разошлись с путями Александра Дугина, но никогда не забуду им сделанного: он разбудил всех нас в 90-е, как и Александр Проханов. Мне никогда не забыть номеров журнала "Элементы", что зачитывались буквально до дыр. Или той "Лимонки", что делали вместе Лимонов и Дугин, что была отдушиной в кошмарном угаре ельцинщины. И тогдашних текстов Александра Гельевича, что заставляли напряжённо думать, а не плыть по течению.

Главное наше предназначение сегодня — в раскрытии самого смысла жизни РФ, каковую требуется сделать Великой Россией. Или, если хотите, Объединённой Русью. Той самой державой воплощённой Русской Мечты, оплотом новой жизнотворной цивилизации. Облик нашей национальной грёзы, чертёж такой Империи Света — вот задачи нас, пробуждённых и думающих. Лишь мы, а не обрзающий бюрократический аппарат и не пиарщики-речеписцы в силах совершить такое. Труба истории вновь зовёт нас.

Да, нашим предшественникам совсем недавно по историческим меркам приходилось делать подобное. В 1920-1930-х годах тогдашние наши планетарные оппоненты выдвинули свой план мироустройства. На началах теории расового превосходства нам предложили социум с расой господ и с кастами рабов/неполноценных разных типов. Со своей общественной иерархией и с уничтожением целых народов, признаваемых нежизнеспособными и расово неполноценными. Этакую цивилизацию Чёрного солнца, знаки коего красовались на бортах гитлеровских танков. Как писали Повесть и Берже в своём классическом уже труде "Утро магов", создавала нехристианская цивилизация, где древняя тёмная мистика скрещивалась с бронирован-

ными полчищами вермахта и пикирующими скоростными бомбардировщиками.

Тогда наши деды и прадеды уничтожили чудовище и явили миру альтернативу — Советский Союз. Зримую, блиставшую реальными свершениями и достижениями. Предложившую человечеству "Туманность Андромеды" вместо тибетской архаики и томика "Моей борьбы". Но, увы, власть имущие в СССР так и не сумели понять и раскрыть потенциал Красного проекта, исцелив его от некоторых врождённых пороков. В итоге довели дело до горбачёвщины, до торжества джинсов над Мечтой, до страшной геополитической и психоисторической катастрофы, обошедшейся нам в десятки миллионов жизней. Причём последствия гибели Союза мы расхлёбываем и по сию пору, угодив в смертельно опасную застой. Чреватый перестройкой-2.

Сегодня вновь пробудились прежние демоны. И нынче владыки Запада (или Великой Глобалии) предлагают нам новый извод своей адской "футуристики". По Швабу. И снова мы видим образ расы господ, теперь уже усовершенствованных с помощью био-нано-инфотехнологий, действительно отличающихся от нас органически. А нам отводится роль убогой "серой расы" короткоживущих. Немыслящих, разделённых на касты. Нового стада с типовыми представлениями и мнениями, втиснутого в жёсткие рамки электронного концлагеря, теперь уже с "экологически обоснованными" нормами потребления. Стада разобщённых психопатов, бесплодных во всех смыслах сего слова. Изолированных, аутичных придатков соцсетей, уходящих ещё и в суррогатные "миры" под действием лёгких наркотиков, лишённых подлинных любви, родительства, семьи...

И вновь, как и поздний СССР, мы оказались в опаснейшем положении. У русских нет внятной альтернативы Швабовому инферно, существующей как план на государственном уровне. Мы повторяем ошибки КПСС, которая пыталась отвечать на западные философские проекты одними сводками промышленного производства и статистикой роста народного благосостояния. Сегодня мы видим практически то же самое — но в виде отчётов Минфина и ЦБ РФ. Плюс крен в охранительство и казённый патриотизм.

Однако существующий в РФ порядок есть плод гибели СССР, и он никак не может выступать альтернативой швабизации человечества. Сей порядок обеспечивает застой и то, что страна невольно становится орудием в руках глобальных проектировщиков. Даже тот мировой кризис, в который сваливает человечество украинская кампания, при нашей беспректности грозит тем, что осуществится как раз план Шваба. А русские послужат при этом и "штрафбатом" — орудием чужих планов, и доиной короной — источником средств и ресурсов. И даже неким внешним пугалом, что сплачивает остатки бывшего Запада вокруг Вашингтона, укрепляя НАТО и вдыхая в оный блок новую жизнь. Именно на русских спешит ту глобальную депрессию, что вызвана самими "швабизаторами", что уничтожит средний класс на Западе и построит тот самый е-концлагерь. А нас приговорят к распаду и к окончательной утилизации — именно так может завершиться теперешний застой. Мы-то помним, с каким ускорением пошли процессы после ухода Брежнева в ноябре 1982-го...

Отсюда и следует наша миссия. Политические надстроики переходящие, но Россия должна жить в веках. Нам, пробуждённым и мыслящим, и нужно создать ту самую альтернативу изувёрству швабизаторов. Тот самый Образ Будущего, манящий и волнующий. Именно такую работу мы и делаем, невзирая на политическую конъюнктуру и сиомунную пропаганду. Ибо без такого проекта нам — смерть. Любое движение к Победе побед должно начинаться с проекта Объединённой Руси, с плана глубочайшего преобразования РФ.

Так будем же верны нашему предназначению. Невзирая на все происки сил зла и мрака...

Валерий КОРОВИН. "Самый опасный человек в мире" — "the most dangerous man in the world" — именно так называют русского философа и геополитика Александра Дугина его американские визави. Одного только этого достаточно приличному человеку, чтобы обратить на идеи Дугина самое пристальное внимание.

Дугин — несомненный враг цивилизационного Запада, во всех его проявлениях, начиная от простого — геополитического проекта западного глобального доминирования (глобализации) через отрицание западного идеологического проекта (либерализм), и заканчивая высоким философским уровнем обоснования расчленения (объектно-ориентированная онтология). Первому Дугин противопоставляет многополярный мир, второму — Четвёртую политическую теорию, третьему — Традицию.

Уже только исходя из шмиттовской формулы определения политического — друг-враг — не сложно найти своё место по отношению к Дугину: тот, кто за Запад, глобализацию и расчленение (превращение человека в постчеловека, из субъекта в объект), тот против Дугина. Остальные — за!

Вы спросите, а почему, собственно, нужно как-то соотносить себя именно с Дугиным? Очень просто. Потому что именно Дугин создал теоретическую основу всей постсоветской патриотической мысли, обосновав каждый пункт этой альтернативной Западу мировоззренческой матрицы самым глубоким образом, проработав досконально каждый тезис.

Всё, что вы хотели бы знать из сферы мысли, но боялись спросить, есть у Дугина. Даже если вы либерал, глобалист и сторонник трансгуманизма, вам необходимо, если вы, конечно, серьёзный мыслитель, к каждому своему тезису (для доказательства его, таких законов развития научной мысли) найти антитезис. Никаких проблем — всё это есть у Дугина.

Ещё в самом начале распада советского блока, когда единственной альтернативой советизму (с подачи Запада) предлагался исключительный либерализм (называемый тогда демократией), Дугин проработал и предложил как общественное обсуждение идеологии Третьего пути — самостоятельную идеологическую модель новой России, альтернативной и советизму (с марксизмом в основе), и идеологии Запада (с либерализмом в основе).

Утверждению Запада о том, что его модели развития на основе модерна нет альтернативы, Дугин противопоставил Традицию, на отрицании которой в течение последних трёх столетий и происходило становление модерна с материализмом, прогрессизмом и позитивизмом в основе.

На утверждение о безальтернативности доминирования времени Дугин ответил тезисом о незыблемости Вечности. Когда его начали обвинять в том, что, дескать, Третий путь, который он предлагает в качестве альтернативы первому (либерализм) и второму (марксизм) пути, есть не что иное, как фашизм (третья политическая теория), Дугин обратил внимание на то, что речь идёт вообще о выходе за рамки модерна, то есть о Четвёртой политической теории, в основе которой как раз и лежат Вечность, Традиция, Бог — всё то, что в модерне с его либерализмом, марксизмом и фашизмом вообще подвергнуто отрицанию.

На утверждение Запада об "объективности" и "неизбежности" глобализации (тезисы, которые, как заклинание, повторяли все "продвинутые" представители российского политического класса с начала 1990-х) Дугин выдвинул Теорию многополярного мира, основанную на утверждении геополитического плюрализма.

Собственно, геополитика на тот момент по советской инерции так и оставалась "лженаукой, обосновывающей буржуазную империалистическую экспансию". Это именно Дугин взял и перевёл все основополагающие труды классиков геополитики: от Маккиндера и Мэхэна до Шмитта и Хаусхофера, — а между ними всех остальных основных авторов, обобщив все основные критерии геополитической науки в своих "Основах геополитики", написанных в 1995-1996 годах и вышедших в начале 1997-го. Это потому уже появилась целая плеяда российских геополитиков, с разной степенью старательности и усердия переписывавших дугинский учебник, а до этого не было ни одного.

На провозглашение Западом проекта Европейской интеграции и создание Европейского союза Дугин ответил декларацией Евразийского союза, прежде проработанной им на идеологическом уровне от и до ещё с конца 1980-х годов. Именно неоевразийство Дугина впервые обосновало необходимость позиционирования постсоветской России в качестве основы для осбой, не западной и не восточной, евразийской цивилизации — России-Евразии.

На утверждение Запада об эталонности его исторического пути развития и универсальности модели западного общества, собственно — западной цивилизации, которой нет альтернативы, Дугин ответил 23-мя томами "Ноомахия", лишь в первом приближении описав типы цивилизаций — их глубину, метафизическую, культурную и геополитическую обоснованность, — альтернативных выхолощенной, примитивной и поверхностной цивилизации коллективного Запада.

Нет ни одного утверждения западных идеологов, мыслителей, философов, на которое Дугин и его интеллектуальная группа не дали бы столь же обоснованный, концептуально проработанный и глубокий ответ. Без преувеличения можно сказать, что у Дугина есть всё!

Когда меня спрашивают, что я читаю, я в полу-шутку (а может и полусерьёзно) отвечаю: "Я читаю только Дугина". Не буквально, не потому, что больше нечего читать, а потому, что прежде чем подступиться к любому вопросу, теме, концепции, философской идее, необходимо для начала посмотреть, что об этом написал Дугин, уже только потому, что Дугин всё прочёл, осмыслил и ёмко, парадигмально выверено и концептированно изложил доступным языком, обратив внимание на самое главное и не выплывавая второстепенного, обобщив в содержательных выводах.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно провести небольшой эксперимент, о котором я уже где-то упоминал: достаточно набрать любое содержательно значимое сочетание понятий, интеллектуальную формулу или концепт вместе с именем Александр Дугин в любом поисковике, и вы получите подборку ссылок на тексты, в которых эти идеи, модели или концепты уже осмыслены, изложены и оформлены.

Именно так идеи Дугина стали доминировать в интеллектуальном поле не только нынешней России, но и в мыслящей среде всего остального мира, включая Запад, где мыслящая часть общества как раз представляет альтернативный либералам, глобалистам и трансгуманистам лагерь. Дугин именно потому одержал победу, взял интеллектуальный верх, заставил всех мыслить парадигмально и целно, что проработал всю сферу Идеи во всех их проявлениях. Он уже повернул кол истории вспять, если взять сферу мысли. Но чтобы убедиться в этом воочию, требуется время, ибо Идея спускается из области философов, где она созерцается как идеальный образ внутренним зрением, через сферу научного в экспертное, а потом в медийное сообщество, откуда она становится достоянием масс, и сколько она будет туда спускаться — это зависит не от философа, а от качества сред, в которых идея живёт, развиваясь (если развивается) и осмысляется.

Такая непредсказуемость качества сред скаывается на точности прогнозов. Как замечает сам Дугин, философ, давая прогноз, никогда не ошибается в том, что произойдёт, но почти всегда ошибается в том, когда произойдет. Может быть, как раз потому, что ориентирован на Вечность, с пренебрежением относясь ко времени.

Всё, что было написано Дугиным, сказано, проработано на интеллектуальном уровне, развёртывается, сбывается, воплощается на наших глазах. Не нужно быть самому таким уж глубоким философом, чтобы открыть его книги, статьи, интервью, прочесть, послушать, осмыслить и понять, что всё, о чём писал и говорил Дугин в 1990-х или 2000-х, либо уже реализовано, либо воплощается на наших глазах, в этот самый момент. А то, что ещё не воплотилось, обязательно воплотится. Не могу сказать когда.

Именно поэтому Дугин является, например, "советником Путина", как убеждены на Западе, да и во всём остальном мире. Мне не раз приходилось отвечать на этот вопрос вскоду: в Иране, Турции, в беседах с представителями интеллектуальных сред Латинской Америки, Европы, Азии или Африки. Везде, где мысль имеет хоть какое-то значение, убеждены, что именно Дугин определяет основные векторы политики Путина. Просто потому, что всё, что реализует Путин, прежде было написано или сказано Дугиным. Что я могу ответить на это? Не смею спорить...

Вот почему мы живём во времени Дугина. И вот почему он является самым опасным человеком для Запада. Уже хотя бы потому, что Дугин разрушил все мифы, так бережно и тщательно создаваемые на Западе, об эталонности западного пути исторического развития, как и развития западной мысли, об универсальности западной цивилизации, о безальтернативности и объективности глобализации, о преимуществе либерализма, об объектности человека, — да, собственно, обо всём, что так необходимо было Западу для доминирования над миром, над человечеством, для того, чтобы быть правителем над всеми.

При этом никто не Запад не смог продемонстрировать своего интеллектуального превосходства над Дугиным (которого приплагали в сотни интеллектуальных дискусий с идеологами и философами Запада) и доказать своё первенство и обоснованность западной интеллектуальной мысли в открытом диалоге: ни Бжезинский, ни Фукуяма, ни Бернар-Анри Леви, обожаемый самым современным западным интеллектуальным сообществом.

В открытом интеллектуальном столкновении с Дугиным они выглядят жалко и неубедительно. На чистом английском, французском, немецком, итальянском, испанском Дугин камня на камне не оставляет от западных либерально-глобалистских концептов, обосновывая свою правоту на любом уровне ведения дискуссии: от телевизионных эфиров с секундным хронометражем до научных аудиторий в многочисловых дебатах.

Вот тут и проявляется вся низменность и подлость Запада. Не имея возможности победить Дугина в открытой дискуссии, западные политехнологии опускаются до уровня подлости, грязных технологий, пакостей. Целый департамент в Госдепе работает над дискредитацией Дугина, заказывая одну дискриминационную кампанию за другой в течение уже почти полутора десятилетий. Набор политехнологических методов очернения не блещет оригинальностью и разнообразием. Чего больше всего боялся на Западе? Фашизма (они там от него пострадали, сами породив) и оккультизма (это просто страшно само по себе).

Остаётся решить простую политехнологическую задачу — отождествить Дугина с двумя этими страшными явлениями. Благо (для них) здесь работает тот же способ: забыть в поисковике страшные понятия "фашизм", "оккультизм" в сочетании с "Дугин" и — вуаля. Дугин изучил и описал всю западную мысль: от досократиков и Платона с Аристотелем через падение в схоластику и картезианство до Нового времени, модерна и постмодерна.

Естественно, что сюда попал и период двадцатого столетия вместе с такими европеизмскими явлениями, как фашизм, национал-социализм с его расовой теорией, оккультизмом и прочим. По этой же логике можно обвинить того, кто пишет про насекомых, в том, что он насекомое. Вот именно так они и действуют: раз Дугин написал про фашизм — значит, фашист, а раз про оккультизм — значит, "оккультный фашист".

Дальше начинается подрядчик, субподрядчики из местных, всякая шушера "на подоссе" от Госдепа, которая за мелкий праис бесконечным потоком ситбасте клепают вот уже лет десять нечитаемые кирпичи, бесконечно компонуя слова "Дугин", "фашизм", "оккультизм" с несколькими их производными. Получается очень глупо, зато много, и можно бесконечно сылаться друг на друга, изобраяя "научность", "проработанность" и "обоснованность" пасквили, один гаже другого. Расчёт тот же — при наборе "Александр Дугин" в поисковике среди такого обилия заказной грязи обязательно выскочит что-то, содержащее "фашист", "оккультист", а массовый читатель по ссылкам даже не ходит, довольствуясь заголовками.

Всё это, по мнению западного заказчика, должно было придать Дугину "токсичности", как сейчас выражается молодежь, чтобы даже теоретически исключить синтез главного политика нынешнего мира — Владимира Путина — с главным интеллектуалом. В каком-то смысле, как им казалось, они этого добились. Однако сам Дугин с достоинством философа, чьи глаза повернуты вовнутрь, созерцая идеальный образ мысли, продолжал хранить молчание на этот счёт, а Путин — реализовывать описанные Дугиным стратегии, также не обращая внимание на нечистоплотную возню западных "партнёров".

Отчаявшись что-то изменить, западные заказчики задумали самую мерзкую подлость — убить. Однако есть кому противостоять князю мира сего. Россия вступила в финальную эсхатологическую битву за конец истории. Бог и дьявол сошлись в финальной схватке, и поле битвы, как выражается сам Дугин, — душа человека, а также его ум. Войны ума. Ноомахия. Время Дугина. Endkampf.